

СЕГОДНЯ КУЙБЫШЕВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО ОТКРЫВАЕТ ОЧЕРЕДНУЮ СЕЗОННУЮ ЛЕТОМ ТЕАТР ГАСТРОПРОВАЛ В МИНСКЕ. О ТОМ, КАКИЕ ВЛЕЧЕНИЯ ОСТАЛИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ КУЙБЫШЕВЦЕВ,

ЗАМЕТКИ КОРРЕСПОНДЕНТА БЕЛАРУССКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ ЮНОСТИ» ЛИЛИИ БРАНДОВОВСКОЙ.

САМОЕ сильное и прочное впечатление от гастролей куйбышевского театра — его актеры. Было бы ханжеством утверждать, что это, мол, «первый запоеведь» театра — через актеров поведать зрителям о проблемах в заботах сегодняшнего дня. Верно, первая запоеведь, но ведь ли и всегда ли исполнимая? Мало ли мы видели спектаклей, где «самовыражаются» все — режиссер, художник, композитор, только не актер, ставший уже по душою, а фундамент спектакля.

В Куйбышеве же, судя по всему, существует непрекращаемая установка на актера — он первая фигура в театре, он, она, они определяют формирование репертуара: если вы в первые несколько дней гастролей не успели познакомиться с ком-то из интересующих вас актеров, можно быть уверенным, что это случится неминуемо в последующие дни.

Пожалуй, совсем не много групп, где можно было бы увидеть столько ярких актеров, которые за время гастролей не только подарили нам драгоценные минуты радости, но и наверняка надолго останутся в памяти.

...Николай Кузьмин в «Петре». Пьеса А. Галича затронула проблемы людей на склоне дней, непростые отношения, возникающие между теми, кто сегодня молод и спел, и стариками. Только прикоснувшись к одному срезу, не погружаясь в глубины психологии, не пристеняя на широту обобщения. Пьеса грешит неточными речевыми характеристиками, хлестостью реплик, «магнитофонным» многоголосием. Но... в ней есть что играть, есть во что вложитя прочувствованное, выстраданное, подсмотренное. И старый крофельщик Чумтины — Кузьмин и его миные «невесты» — отставная балерина Роза Александровна — В. Ершова, Нина Ивановна — В. Мещерякова, Диана Владимирикова — В. Долматова — такие знакомые в своих чудачествах и слабостях, предстают перед нами во всей душевной высоте, бескорыстии и беззащитности страсти.

Безвременно ушедший молодой куйбышевский режиссер Сергей Надеждин оставил после себя светлый, человеческий спектакль, где отвергаются черствость, душевная глухота и pragmatizm.

А нежность и сострадание отданы им, старшинам, «Петру» — не настольгия по романтическим модам, а обида за порой забываемые нами ценности — духовность, доверчивость, нерас-

четливое участие. Может быть, такая обида и есть залог их неизменности?

Можно позервить в это, увы, как бунтует старик, как одиночество и тоски в ухажившем гнездышке новоявленных неплановых тускнеют его глаза. Можно, кажется, на ощупь почувствовать и чувство вины. Протест сильного, когда-то человека — бурный, размашистый, полный голос, сменяется горькой, тихой мольбой: «Отправьте меня в деревню...». Рядом с недавно еще на знакомыми женщинами он почувствует под-

прислушивается Антипин к себе, как к ящику, вдруг за jakiшему музойкой... Но пробудившись для любви сердце оказалось и беззащитным: сильный, горячий человек купец Антипа Зыков умрет, раздавленный любовью...

Любит отца исходившейся, быстро сливавшейся, никчемный Михаил Зыков. О. Быков увидел в Михаиле какую-то тайную точку, будоражающую неразгаданность. Он, безвольный, восхищен силой и волей отца, щедро дарит ему, сам не помнящим размеров своего дара, прощение и любовь...

В СПЕКТАКЛЯХ куйбышевского театра нам часто не хватает законченности построения — все обильною «идей». Я не имею в виду — общности стилистики, но в пределах спектакля хотелось бы ощутить

правое на место в жизнеписи пары, вдруг приоткрывая нам искаженный всеобщим потаканием девушкой, наученной лишь светским манерам... Ее понятия о морали перевернуты. Развес в том ее вина, что она верно следит им? Получая жестокий урок, она придет ли чему доброму научится, может, подождет «своего времени» и одним махом разделается со всеми...

Романенко не настаивает на этом своем прогнозе, но последнее согласие Лиции на все условия оставляет нам свободу предполагать, как сложится ее жизнь.

Кануну борьбы ни играл И. Морозов — каждый раз находит, что это — счастливое опоздание. Касько — «Учитель шахматоцца», и вот Васильев в «Бешенных деньги», где все опоздание? Мягкий, любящий — и жесткий, непреклонный — Васильев — это вам не Антипа Зыков, он не умрет от любви, на что-

МЫ НЕ ПРОЩАЕМСЯ...

личное духовное родство и раскроется. Куда денется угрюмость, медвежья неуклюжесть, взгляд из-под лба... Светлая улыбка, мягкий голос, тихая поступь — хороший, славный, умный человек, таких называют «самостоятельный». И горькое решение поминутно ставшую ему чужой doch он не перенаправляет на чьчто-либо — сам тихо уйдет...

А рядом с Кузьминым появится В. Ершова — Роза Александровна, диковинное создание. Мало приспособленная к жизни, состарившаяся на сцене балерина, беспомощная к жизни, но деликатная, привыкшая «держать спину» и сохранять на лице улыбку, как бы печально ни было на душе. Маленький спектакль свадьбы, который она сыграет, на минуту по-актерски повернувшись в «предлагаемые обстоятельства», окончился, она очнется, подстанется и с печальным достоинством, смешной и прелестной, отправится провожать Чумтина...

КАЖДЫЙ спектакль волжан показывает крупным планом одного-двух или нескольких актеров. В «Зыковых», поставленных П. Монастырским, это Николай Михеев — Антипа, Наталья Радолицкая — Софья, Михаил Лазарев — Муравьев, Олег Быков — Михаил, Иван Морозов — Шохин; в «проходной» роли Тарасакова (сколько ни приходится смотреть «Зыковых» в разных театрах, не припомнится ни эта роль, ни ее исполнитель) Н. Кузьминич нечуть не «концертно», но внятно, мягко и бережно рассказал о чудаковатом философе, все видящем, все понимающем и откликающемся душою на безду...

В «Зыковых» неожиданно вышла на первый план любовь. Обреченная, безответная, бесплодная, но — любовь. Разбудившая в трезвом дельце Антипе Зыкове чувства, доселе и не предполагаемые у него ни им самим, ни его близким. И

педелимость, цельность, воплощенного замысла. Иногда этому мешают погрешности вкуса — так случилось с мюзиклом «Пигмалион», где, указав в афише на использование фрагментов Лью, театр использовал... фрагменты самого мюзикла «Моя прекрасная леди», безжалостно подменяя иногда даже диалоги Бернарда Шоу. Может быть, если бы театру удалось это сделать со вкусом, кто знает, ...может быть, это не вызвало бы такого активного внутреннего протеста; как говорится, победителя не судят. Но — победителей нет. В афише обзывают Шоу, а на сцене царят, просят за невольный каламбур, Лью.

И снова используется все тот же прием — пение под фонограмму; здесь он демонстративно открыт: микрофоны с образцами пшеничными шумами. Экклектика в стилистике не могла не отразиться на смысле спектакля: Ж. Романенко, актриса ярко талантливая, всегда точно чувствующая удивительный вес своих ролей в спектакле, проживающая их с сердечной горячностью, которая не исключает трезвого взгляда как бы со стороны, — здесь, кажется, растерялась. Первую часть — Элизаветочинца — она играет с подлинным опереточным «апломбом». Элиза откладывает, расплетает во все горло, изящно неуклюжая девчонка из трущоб, умная, острая и мелепалая. Финиш прощесся по накатанной дорожке «красивых страданий», кажется: строптивый Шоу, хлопнув дверью, оставил сцену для Лью.

Жанна Романская в «Бешенных деньгах» — своеобразная красавица Лидия Чебоксарова, уверенная в своем

то в нем разбилось драгоценное, пропало доверие, и он этого не забудет, отложит не одну kostochku на своих дребезжащих канцелярских счетах... И опять хочется говорить о Н. Михееве — вулканическом Кучумове, взрывающемся праведным негодованием, обузвавшим исстинными страсти, которыми не хватает малости — истинности.

И об элегическом бездельнике Телятеве (О. Свиридов), и о таинственном Егоре Дмитриче Глумове (В. Борисов). «Я их знаю всех наперечет», — протяжно произнесет он и туманно взглянет вдаль. И, бархатно вытиянув дланевые погги, задумчиво вытрут гусиные перышки о щеку своего приятеля-соперника...

А как мы и мечтатель Левша — Борисов. Он весь в фантазиях и грезах, изящный, совсем не быдлы, некий богатырь, тощий, несложный, витающий мыслями где-то далеко. Художник... Прелестная Машка (Л. Альбицкая) недаром без ума от него — хороши. И веселый, громкий (даже пересчур громкий) спектакль — о судьбе художника. И о его гибели. И о бессмертии. В этом смысле «Левши» у волжан.

ВОТ ТАК и прожит месяц гастролей куйбышевского театра: восхищаются — какой прекрасный театр! сожалеют: зачем «Левши» «по мотивам» и «Пигмалион» — «по мотивам», зачем громко поют, если не все умеют, зачем в хорошие пьесы вставляют самодельные вирши; почему порой декорации — «среднеарифметические». И еще множество «зачем?». А потом спрашивают: какой театр, какой режиссер, какие актеры...